УСТОИ
НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Проф. Н. Я. Грота.

Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Психологическаго общества 4 марта 1895 года, въ память десятилѣтія со времени основанія общества.

Складъ изданія въ конторѣ журнала „Вопросы Философіи и Психологіи".

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская улица, собств. домъ.
1895

„Вопросы Философіи и Психологіи".

Въ журналѣ за предыдущіе годы принимали участіе слѣдующія лица:

А. А. Абрикосовъ, Архимандритъ Антоній, П. Е. Астафьевъ, Н. Н. Баженовъ, проф. Н. Н. Бекетовъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. Н. В. Бугаевъ, В. А. Вагнеръ, проф. Алексѣй И. Введенскій, проф. Александръ И. Введенскій, проф. П. Г. Виноградовъ, В. А. Гольцевъ, проф. Н. Я. Гротъ, проф. Н. А. Звѣревъ, Н. А. Иванцовъ, П. А. Каленовъ, проф. Н. И. Карѣевъ, А. А. Козловъ, Я. Н. Колубовскій, проф. С. С. Корсаковъ, проф. Н. Н. Ланге, В. В. Лесевичъ, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. М. А. Мензбиръ, П. Н. Милюковъ, Л. С. Миноръ, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, В. П. Преображенскій, Э. Л. Радловъ, В. В. Розановъ, Г. И. Россолимо, В. П. Сербскій, проф. П. П. Соколовъ, Вл. С. Соловьевъ, Всев. С. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ, А. А. Токарскій, гр. Л. Н. Толстой, кн. Е. Н. Трубецкой, кн. С. Н. Трубецкой, Е. И. Челпановъ, проф. В. Ф. Чижъ, Б. Н. Чичеринъ, Н. И. Шишкинъ и др.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи, въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, опытная и физіологическая психологія, психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библіографія. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія.

Журналъ выходитъ **пять** разъ въ годъ (въ началѣ января, марта, мая, сентября и ноября) книгами не менѣе 15 печатныхъ листовъ.

Цѣна: **7** р. съ пер., **6** р. **50** к. съ дост. въ Москвѣ, **6** р. безъ дост.

Адресъ конторы: *Москва, Спасопесковская площадь* (Арбатъ), *д. Расцвѣтовой.*

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВЫЯ ИЗДАНІЯ
МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА:

ФР. ПАУЛЬСЕНЪ. Введеніе въ философію. Пер. со 2-го нѣмец. изд. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 40 к.

КУНО ФИШЕРЪ. Артуръ Шопенгауэръ. Первый выпускъ: Жизнь и характеръ Шопенгауэра. Пер. съ нѣм. С. Н. Грумъ-Гржимайло, подъ ред. В. П. Преображенскаго.

Второй выпускъ (Изложеніе и критика ученія Шопенгауэра) готовится къ печати. Цѣна за все сочиненіе (на второй выпускъ выдается билетъ) 2 руб. 50 коп., по выходѣ второго выпуска—3 руб. Отдѣльно 1-й выпускъ 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Складъ изданій въ конторѣ журнала «Вопросы Фил. и Псих.».

УСТОИ
НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Проф. **Н Я. Грота.**

Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Психологическаго общества 4 марта 1895 года, въ память десятилѣтія со времени основанія общества.

Складъ изданія въ конторѣ журнала „Вопросы Философіи и Психологіи".

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К°**,
Пименовская улица, собств. домъ
1895.

В.4170
50

Дозволено цензурою. Москва, 29 марта 1895 г.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
3776
√ 94

Устои нравственной жизни и дѣятельности.

Та истина, что устои нравственности находятся *внутри* человѣка, въ его *собственной психической природѣ*, а не гдѣ-либо внѣ его, составляетъ одно изъ самыхъ прочныхъ пріобрѣтеній философіи двухъ послѣднихъ вѣковъ.

Будемъ ли мы искать устоевъ нравственнаго поведенія при помощи религіи, науки или философіи,—самыя основанія религіи, философіи и науки необходимо будетъ рано или поздно признать заложенными въ самой природѣ человѣка. Вѣра, надежда, любовь, стремленія къ истинѣ, благу и совершенству суть неотъемлемыя свойства человѣческой природы; внѣшнія условія и причины могутъ эти чувства и стремленія только пробуждать или заглушать, а не создавать изъ ничего.

Всѣ предполагаемые религіей, философіей и позитивной наукой устои нравственнаго поведенія: любовь къ Богу и къ ближнему, вѣра въ правду и совершенство, надежда на вѣчное блаженство и страхъ вѣчной кары—съ одной стороны; состраданіе и жалость, стремленіе къ счастію и идея нравственнаго долга; наконецъ, чувство самосохраненія и родовой инстинктъ, идеи пользы и общаго блага—все это факты душевной жизни субъекта, состоянія и свойства нашего внутренняго „я“.

Поэтому, для *автономной* морали нашего времени, ищущей основного закона нравственныхъ поступковъ *внутри* чело-

вѣка, а не внѣ его,—вопросъ заключается только въ томъ, въ какихъ именно изъ перечисленныхъ природныхъ чувствъ, стремленій и идей слѣдуетъ искать самыхъ коренныхъ внутреннихъ устоевъ нравственной жизни и дѣятельности, чтобы путемъ такого исканія найти и поставить предъ сознаніемъ и волею человѣка вполнѣ отчетливый идеалъ и ясный критерій *нравственнаго* поведенія, въ противоположность *безнравственному*.

Вопросъ—не шуточный, ибо если философская наука о нравственности—*этика*—въ концѣ концовъ признаетъ, что послѣднее основаніе и критерій нравственности заключаются въ стремленіи человѣка къ личному счастью и пользѣ, а личное счастіе и польза окажутся, въ чемъ нельзя сомнѣваться, понятіями относительными, то человѣкъ не будетъ предохраненъ отъ исключительнаго преслѣдованія своего личнаго счастія, какъ онъ его понимаетъ, всѣми способами, которые не ведутъ къ страданіямъ и карѣ. Если же этика докажетъ, наоборотъ, что основными устоями нравственности являются стремленія человѣка къ духовному совершенству, самообладанію и самоотверженной работѣ на пользу міра, то человѣку придется отвергнуть идеалъ и критерій личнаго счастія, какъ *не* нравственный, и совершенно иначе устроить и направить свою нравственную жизнь и дѣятельность.

Дѣло идетъ, конечно, о вліяніи научной этики на тѣхъ людей, которые желаютъ жить разумно и сознательно, а не руководствоваться одними природными влеченіями. Человѣческая толпа живетъ и, вѣроятно, долго еще будетъ жить инстинктами и непосредственными чувствами, а такъ какъ къ числу таковыхъ, несомнѣнно, принадлежатъ и нравственные импульсы дѣятельности, наприм., симпатія, жалость, безкорыстное стремленіе къ правдѣ и совершенству, страхъ передъ вѣчною карой и надежда на послѣдующія награды, то нравственно здоровая, еще не развращенная и не тронутая скептицизмомъ толпа полусознательныхъ людей можетъ временно и не нуждаться въ *теоретическомъ* рѣшеніи вопроса о конечныхъ психическихъ устояхъ нравственности.

Тотъ фактъ, однако, несомнѣненъ, что цивилизація вноситъ и въ жизнь массы рядъ такихъ условій, которыя калѣчатъ природу людей, лишаютъ ее первобытной здоровой непосредственности, вносятъ въ умы сомнѣнія и, заглушая *нравственные* инстинкты, развиваютъ жажду къ наслажденіямъ и личной пользѣ. Какъ съ этимъ быть?

Можно ли остановить ходъ внѣшняго прогресса и предотвратить его вредныя вліянія на толпу? Можно ли искусственно остановить ростъ городовъ и средствъ сообщенія, уничтожить возможность праздности, лѣни и излишняго веселія, запретить производство наркотиковъ, ослабляющихъ силу мысли и воли и, въ замѣнъ, возбуждающихъ чувственность? Можно ли вообще уничтожить тотъ внѣшній ростъ жизни, который является естественнымъ послѣдствіемъ развитія науки и техники и выражаетъ собою быстро подвигающееся и въ общемъ благотворное завоеваніе человѣкомъ природы? А если нельзя заставить жизнь пойти назадъ, какъ безплодно мечтали нѣкоторые утописты, то, очевидно, укрѣплять мораль массы человѣческой надо тоже изнутри, а не извнѣ, — развитіемъ въ ней сознанія, воли и критической мысли и распространеніемъ среди нея разумныхъ идеаловъ и критеріевъ нравственной жизни. А для того, чтобы дѣйствовать на нее въ этомъ смыслѣ, крайне важно, чтобы мы сами, люди развитые образованіемъ и считающіе себя разумными, руководящіе жизнью массы и подающіе ей примѣръ своимъ поведеніемъ, почаще сознательно и безпристрастно провѣряли устои своей нравственной дѣятельности и путемъ научнаго и философскаго изслѣдованія энергичнѣе шли къ уясненію истинной задачи нашей человѣческой нравственной жизни.

Предметомъ настоящей рѣчи и будетъ попытка вновь поближе разобраться въ вопросѣ, *въ какихъ же* сторонахъ человѣческой природы надо искать истинныхъ устоевъ нравственной жизни и дѣятельности человѣка. Бесѣда наша будетъ чисто теоретическая, а не нравоучительная, такъ какъ для философа поставленный вопросъ есть прежде всего во-

просъ самопознанія и самопровѣрки. Задачею нашею будетъ—попытаться дать новое освѣщеніе *этической* проблемѣ „объ основаніяхъ нравственнаго поведенія“ на почвѣ *психологической*, а главнымъ мотивомъ для пересмотра вопроса является сомнѣніе въ удовлетворительности его рѣшенія ученіями современной утилитарной и эвдемонистической морали,—морали *пользы* и *счастія*.

Основная точка зрѣнія этой морали состоитъ въ томъ, что въ концѣ концовъ источникомъ нравственной дѣятельности является стремленіе человѣка къ *счастію*, хотя бы самому высокому и благородному, вытекающему изъ поступковъ любви и состраданія, изъ усиленной работы умственной, духовной,—причемъ идея *пользы* есть только объективное выраженіе для субъективной идеи счастія.

Эта мораль пользы и счастія забываетъ однако, что человѣку, усвоившему ея основной принципъ, совершенно невозможно убѣдить себя въ томъ, что и онъ не имѣетъ права, за добродѣтель свою, брать свою долю наградъ отъ жизни, не имѣетъ права какъ можно полнѣе наслаждаться жизнью, отдавая дань своимъ страстямъ и страстишкамъ. А если онъ обладаетъ здоровьемъ и впечатлительностью, то какъ ему соразмѣрять высшіе и низшіе моменты своего счастія и не жертвовать стремленіями къ высшему духовному удовлетворенію все болѣе и болѣе неутолимой жаждѣ чувственныхъ наслажденій? И выходитъ такъ, что всѣ мы, какъ и толпа, живемъ компромиссами между нашими высшими и низшими природными влеченіями, пріобрѣтенными наслѣдственно, или чрезъ воспитаніе и образованіе, причемъ для многихъ изъ насъ природныя страсти и даже страстишки являются фатальною помѣхой для высокаго нравственнаго развитія.

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что настоящаго нравственно-цѣльнаго и стойкаго человѣка среди насъ не легко найти, что даже наиболѣе высокія нравственныя личности нашего времени обладаютъ часто поразительными слабостями и недостатками, что настоящихъ героевъ

долга,—а они навѣрное есть,—слѣдуетъ искать не столько на открытой общественной аренѣ, сколько въ захолустной и темной толпѣ, руководимой вѣрою и здоровымъ инстинктомъ, и что при первомъ же спросѣ на дѣйствительное самоотреченіе и самопожертвованіе, ради ближняго или ради идеи, люди интеллигентные и сознательные, даже герои толпы и рыцари чести, за рѣдкими исключеніями, склонны прятаться въ свои норы и высчитывать возможные шансы личнаго благополучія.

Таковы послѣдствія нашей современной, такъ называемой, *научной*,—утилитарно-эвдемонистической морали. Нѣтъ ли, однако, въ построеніяхъ ея какого-либо *теоретическаго* недостатка, нѣтъ ли иной возможной, *высшей* морали?

Что такая мораль есть и всегда была, не подлежитъ сомнѣнію: объ этомъ свидѣтельствуютъ громко стоическіе подвиги древнихъ, исторія крестныхъ распятій и мученичества на кострахъ, а также лѣтопись всѣхъ тѣхъ повседневныхъ, иногда незамѣтныхъ, домашнихъ и гражданскихъ подвиговъ самоотреченія, которые совершаются чаще всего людьми маленькими или никому неизвѣстными, но твердыми въ вѣрѣ, что жизнь есть тяжелый долгъ и подвигъ, а не наслажденіе и путь къ личному счастію. Полный кодексъ этой высшей морали, нынѣ вновь распятой западнымъ эвдемонизмомъ, далъ Христосъ. Лучшую попытку философскаго обоснованія христіанской морали сдѣлалъ Кантъ, но настоящей научной достовѣрности она еще не имѣетъ. Дать ей таковую есть, повидимому, задача *будущей этики*.

Кантъ пробовалъ обосновать „абсолютную повелительность“ нравственнаго долга—независимо отъ идеи личнаго счастія—своимъ ученіемъ о природѣ человѣческаго разума. Но это сложное и отчасти запутанное ученіе о двухъ разумахъ, теоретическомъ и практическомъ, съ мостомъ посерединѣ, въ видѣ способности сужденія, научно не подтвердилось, и когда провѣрены были итоги, то выяснилось, что Кантъ только *формально* констатировалъ фактъ *безусловности* идеи долга, но не оправдалъ и не обосновалъ его. „Ты

долженъ поступать *такъ*, чтобы правило твоего поведенія могло стать основой всеобщаго законодательства", или, проще, „правиломъ общаго нравственнаго поведенія", — таково требованіе нравственнаго долга по мнѣнію Канта.— Но, во-первыхъ, *отчего* я долженъ поступать *такъ*, а не думать прежде всего о своемъ личномъ счастіи? *) Во-вторыхъ, *что* и *во имя чего* можетъ и должно стать правиломъ *общей нравственности?*

„Взаимное состраданіе", говоритъ противникъ формальной морали Канта—Шопенгауэръ, ибо жизнь людей бѣдственна; а такъ какъ сущность ихъ одна и та же, то ты долженъ вѣчно жалѣть въ нихъ себя, думая о томъ, что и тебѣ и имъ слѣдуетъ стремиться избавиться отъ тяготы жизни. Но если жизнь бѣдственна и надо стремиться къ выходу изъ нея, то почему я долженъ не только платонически вздыхать о несчастныхъ, но и дѣйствовать согласно чувству состраданія, спасая ихъ жизнь и продолжая ихъ мученія? Сознавая неизбѣжность этого вопроса, Шопенгауэръ отбросилъ идею „безусловнаго долга" и ограничился признаніемъ факта состраданія, какъ коренного безотчетнаго импульса нравственныхъ поступковъ. Но о нравственномъ значеніи чувства жалости знали и раньше его. Поэтому Шопенгауэръ только запуталъ вопросъ, поставленный Кантомъ, и его мораль сдѣлалась новымъ подножіемъ для эвдемонизма и утилитаризма. Если я отдаюсь состраданію только какъ природному импульсу, то почему мнѣ не отдаваться и жаждѣ наслажденія, столь же природной? То и другое одинаково нелѣпо, ибо жизнь есть зло, но и то и другое естественно, а слѣдовательно неизбѣжно. Утилитарный эвдемонизмъ ставитъ вопросъ проще: надо брать отъ жизни все, что она можетъ дать. „Ты стремишься къ своему счастью и поль-

---

*) По какому внутреннему побужденію, напр., «человѣкъ долженъ относиться къ другому человѣческому существу, какъ къ цѣли самой въ себѣ, а не какъ къ средству для своихъ личныхъ цѣлей?» Изъ формальной идеи «безусловнаго долга» такого *содержанія* не выведешь.

зѣ?“ — Стремлюсь. — „Ну такъ и стремись, но дѣйствуй поумнѣе и поразсчетливѣе. Не забывай, что надо дѣлать уступки счастію другихъ, иначе и они тебѣ уступокъ дѣлать не будутъ“. „Да еще, — прибавляетъ Спенсеръ, — помни, что альтруизмъ (стремленіе къ чужой пользѣ) есть продуктъ наслѣдственнаго развитія основного родового инстинкта и что этому пріобрѣтенному свойству своей природы ты долженъ тоже дѣлать уступки ради полноты собственнаго самочувствія и самоудовлетворенія“.

И пошли новые компромиссы, а надъ Кантовскимъ „категорическимъ императивомъ нравственнаго долга“ стали смѣяться.

Но новѣйшіе компромиссы утилитаризма и Спенсера никого не удовлетворили, ибо есть случаи, когда альтруизма въ душѣ нѣтъ никакого, а дѣлать уступки чужому счастію ради своего собственнаго нѣтъ никакой надобности, ибо можно защитить его силой. На эту точку зрѣнія сталъ Ницше и предложилъ сильному отбирать всѣ крохи счастія у слабыхъ, чтобы достигнуть самому сверхъ-человѣческой полноты самоуслажденія и совершенной свободы отъ нравственныхъ оковъ. Въ сущности, Ницше былъ послѣдователенъ, ибо если цѣль жизни все-таки личное счастіе, то ради этой цѣли сильному *все позволено*, а слабыхъ можно заставить послужить себѣ.

Очевидно, основная дилемма этики: „нравственный долгъ или счастіе?“—остается и теперь неразрѣшенной. Въ самое послѣднее время все болѣе крѣпнетъ сознаніе, что жить по рецептамъ утилитаристовъ и эвдемонистовъ, а тѣмъ болѣе такихъ проповѣдниковъ хищничества, какъ Ницше, нельзя. И реакція обнаруживается въ формѣ возвращенія къ проповѣди христіанской морали, оторванной однако отъ ея первоначальной религіозно-мистической основы. „Ты въ правѣ стремиться къ своему счастію, но твое истинное счастіе есть исполненіе нравственнаго долга—любви къ ближнему, служенія духу, а не плоти, непротивленія злу зломъ“, говоритъ Левъ Толстой. Но вопросъ, почему я долженъ

именно эти поступки признать своимъ *истиннымъ* счастіемъ, остается неразрѣшеннымъ *).

Вѣдь если я отъ природы имѣю вообще право стремиться къ своему счастію, то нечего моралистамъ твердить мнѣ о долгѣ любви, состраданія и самоотреченія, идущемъ въ разрѣзъ съ моими личными соображеніями о счастіи. А если я долженъ дѣлать хотя бы *что-нибудь* во имя идеи нравственнаго долга, пренебрегая цѣлью личнаго счастія, какъ я его понимаю, то гдѣ основанія и въ чемъ смыслъ такого долга? Спасеніе души для вѣчнаго блаженства? А если бы я въ него не вѣрилъ? Жажда славы, уваженія, почитанія ближнихъ? А если я ими пренебрегаю и они мнѣ не нужны? Боязнь страданій и смерти и разсчетъ продлить наслажденіе? А если я буду разсуждать согласно поговоркѣ: „двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать“ и буду стремиться поскорѣе, пока есть силы, взять отъ жизни все, что она можетъ дать мнѣ въ смыслѣ наслажденія и радости? Неужели меня остановятъ въ такомъ случаѣ скучные предписанія долга?

Очевидно, надо откровенно сознаться, что дилемма: нравственный долгъ или личное счастіе — остается все въ прежнемъ видѣ. Изъ нея выхода нѣтъ. Третьяго рѣшенія вопроса ни *логически*, ни *психологически* быть не можетъ: логически—потому, что между утвержденіемъ и отрицаніемъ безусловнаго нравственнаго долга, какъ и законности цѣли личнаго счастія, не можетъ быть ничего средняго; психологически же—потому, что человѣкъ въ одной и той же дѣятельности своей не можетъ стремиться къ двумъ противоположнымъ и взаимно исключающимъ другъ друга цѣлямъ.

На эту, повидимому, совершенно ясную и простую, постановку вопроса дѣлается, однако, очень часто слѣдующее казуистическое возраженіе. Допустимъ, что цѣль *нравственной*

---

*) Подробную критику ученій Ницше и Толстого см. въ нашей брошюрѣ, «Нравственные идеалы нашего времени. Фр. Ницше и Левъ Толстой». Изданіе третье. Москва. 1894.

жизни и дѣятельности, въ отличіе отъ *безразличной* и въ противоположность *безнравственной*, вытекающихъ также изъ мотивовъ личнаго счастія, есть *исполненіе нравственнаго долга*. Въ чемъ же онъ можетъ состоять? Очевидно, только въ томъ, чтобы служить благу и счастію другихъ людей и существъ,—„возможно большему счастію возможно большаго числа другихъ существъ“, какъ утверждалъ и Дж. Ст. Милль въ своемъ наиболѣе обдуманномъ и возвышенномъ утилитарномъ ученіи. Вѣдь совершенно ясно, что такъ какъ несчастныхъ безконечное множество, то для того, чтобъ исполнить свой нравственный долгъ, человѣкъ не обязанъ разорвать себя самого на части и дать имъ всѣмъ по капелькѣ крови и жизни, и по кусочку своей одежды и имущества, а долженъ по мѣрѣ силъ преслѣдовать только *относительную цѣль* возможно большаго счастія возможно большаго числа существъ, хотя бы только *людей*, а такъ какъ онъ самъ—тоже человѣкъ и живое существо, то по тому же принципу онъ въ правѣ не только находить свое счастіе въ служеніи счастію другихъ, но оставить и на свою долю частицу счастія и всѣхъ благъ, его доставляющихъ; вѣдь и онъ законный участникъ въ общемъ раздѣлѣ благъ и счастія. А чтобы онъ не бралъ себѣ львиной доли, — для этого, говорятъ намъ, надо воспитывать его такъ, чтобъ онъ находилъ высшее личное счастіе въ доставленіи счастія другимъ. Слѣдовательно, разумное личное счастіе не противорѣчитъ идеѣ нравственнаго долга—служить счастію другихъ.

Разсужденіе, повидимому, безукоризненное, но для философа невольно возникаютъ слѣдующіе вопросы:

1. *Откуда* выведена необходимость и нравственная обязательность служенія цѣли счастія наибольшаго числа существъ?

2. *Чѣмъ* оправдать, съ указанной точки зрѣнія, необходимость полнаго самопожертвованія, хотя бы жизнью, при серьезномъ столкновеніи цѣли *моего* счастія съ цѣлью счастія *другихъ* существъ?

3. *Какъ быть* съ тѣми людьми, которые, вслѣдствіе воспи-

танія или даже вопреки ему, упорно не желаютъ видѣть своего счастія въ служеніи счастію другихъ: судить ихъ или не судить, считать *виновными* или *не виновными?*

Первый вопросъ о причинѣ обязательности служенія чужому счастію приводитъ снова къ дилеммѣ: или эта цѣль возникаетъ изъ идеи безусловнаго долга, для которой надо еще найти основаніе, или изъ соображенія собственныхъ выгодъ, которыя уронили бы все объективное значеніе идеала чужого счастія.

Второй вопросъ возвращаетъ къ вѣчнымъ Гамлетовскимъ недоумѣніямъ нравственнаго сознанія: „*мнѣ-то самому* быть или не быть, и если быть, то какъ быть?“

Третій—естественно разрѣшается въ пользу доктрины *всеобщей несвободы и невмѣняемости*, которая ведетъ къ признанію и моей собственной невмѣняемости, т.-е. чистой *условности* понятія долга, который по идеѣ своей *безусловенъ*.

Гордіевъ узелъ морали изложенной теоріей, очевидно, также не распутанъ, и безконечная Сизифова работа эвдемонистическаго утилитаризма должна начаться сызнова *).

Но Гордіевы узлы и нельзя распутывать: ихъ поневолѣ приходится разрубать. Рѣшить указанныя затрудненія можно только однимъ способомъ, — спросивъ себя искренно: „да правда ли, что всѣ поступки, называемые нравственными, имѣютъ цѣлью доставить *счастіе* кому-либо изъ людей, или даже возможно большему числу людей, и приблизить міръ ко всеобщему благоденствію?“ Это значитъ, другими словами: „вѣрно ли, что нравственный долгъ въ наиболѣе *безусловной* формѣ повелѣваетъ вполнѣ отрекаться отъ своего личнаго счастія въ пользу счастія другихъ существъ, а въ болѣе *условной*—служить счастію другихъ существъ, жертвуя для этого нѣкоторою долей своего счастія?“

Вопросъ этотъ составляетъ, по нашему мнѣнію, главный

*) Мы сами три года тому назадъ пытались найти новое основаніе *эвдемонистической* морали въ статьяхъ «Основаніе нравственнаго долга» (Вопр фил. и псих., кн XII и XV. 1892), но не окончили своего изслѣдованія, такъ какъ замѣтили ошибку въ исходныхъ посылкахъ эвдемонизма

узелъ *всей этической проблемы*. Но мы не будемъ его рѣшать въ томъ направленіи, въ какомъ пытались его разрѣшить пессимисты всѣхъ временъ и странъ, доказывавшіе, что счастіе потому не можетъ быть цѣлью нравственной дѣятельности, что оно не достижимо,—что жизнь въ корнѣ своемъ есть страданіе и бѣдствіе. Счастіе, какъ мы не разъ говорили,—понятіе субъективное и относительное, и съ этой точки зрѣнія нельзя сказать, что счастіе невозможно и что его нигдѣ нѣтъ. Счастіе есть и вполнѣ возможно, и притомъ всякое: великое и малое, частое и рѣдкое, долгое и короткое, полное и неполное, временное и болѣе или менѣе постоянное, и, какъ „животные индивидуумы", мы даже въ правѣ не отклонять счастіе отъ себя, когда оно само приходитъ, и не убѣгать отъ него нарочно, а попутно имъ пользоваться, если оно не противорѣчитъ требованіямъ долга.

Вопросъ въ томъ, *къ счастію* ли, хотя бы не нашему, а только *чужому*, направляется такъ называемая *нравственная* наша дѣятельность „во имя долга?" *) И это мы узна́емъ лучше всего изъ анализа тѣхъ нравственныхъ поступковъ, въ которыхъ мы непосредственно соприкасаемся съ другими существами и отдаемъ имъ себя въ жертву,—изъ поступковъ, внушенныхъ любовью, жалостью, состраданіемъ.

Самый яркій образчикъ такихъ поступковъ—это дѣятельность матери и вообще родителей по отношенію къ дѣтямъ: здѣсь всего менѣе можно сомнѣваться въ искренности мотивовъ любви и жалости. Мать нѣжно и съ самоотверженіемъ любитъ своихъ дѣтей, кормитъ ихъ, холитъ, воспитываетъ, учитъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она, какъ мать, часть которой они составляли, искренно, хотя и эгоистически, желаетъ счастія своимъ дѣтямъ, но можно ли утверждать, что *нравственная* точка зрѣнія ея въ этой дѣятельности должна состоять въ томъ, чтобы доставить дѣтямъ немед-

*) Подъ *счастіемъ* мы разумѣемъ и будемъ далѣе разумѣть то, что понималъ подъ нимъ Кантъ, а именно—«сознаніе разумнымъ существомъ пріятности жизни, которая (по возможности) непрерывно сопровождаетъ все его существованіе». (Крит. практ. разума, § 3)

ленно или въ будущемъ наибольшее возможное счастіе? Во 1) она не знаетъ и не можетъ знать, что имъ готовитъ жизнь: не готовитъ ли имъ будущее величайшихъ бѣдъ, испытаній, несчастій, болѣзней, и не лучше ли было бы для нихъ, съ точки зрѣнія счастія, не только умереть въ дѣтствѣ, но даже и не родиться; во 2) она не знаетъ и того, въ чемъ можетъ и въ чемъ будетъ заключаться ихъ счастіе, по ихъ способностямъ, характеру, общественному положенію, и такъ ли она поступаетъ, чтобы довести ихъ до цѣли счастія,—пригодится ли имъ то воспитаніе и образованіе, которое она имъ даетъ; въ 3) воспитывая и образуя ихъ, мать постоянно поневолѣ причиняетъ имъ несчастія — наказаніями, выговорами, принужденіемъ къ труду и проч.: счастіе—не абсолютная, а относительная вещь, и понятія матери и дѣтей о счастіи весьма различны; въ 4) наконецъ, если она *сознательно* будетъ направлять ихъ самихъ къ цѣли наибольшаго личнаго счастія, то непремѣнно сдѣлаетъ ихъ жалкими эгоистами и хищниками. Поэтому воспитаніе, имѣющее цѣлью дать дѣтямъ счастіе, непосредственное или будущее, и научить ихъ пріобрѣтать въ жизни то, что можетъ составлять ихъ счастіе,—дурное, нелѣпое воспитаніе, обыкновенно нравственно развращающее дѣтей и имѣющее самыя грустныя послѣдствія. Оно внушено не любовью родителей къ дѣтямъ, а эгоизмомъ и стремленіемъ къ самоуслажденію. Истинно любящая и разумная мать стремится сдѣлать дѣтей *хорошими*, а не довести ихъ до счастія, которое и не въ ея рукахъ, и хорошую мать не остановитъ въ ея работѣ мысль, что ея дѣти будутъ несчастны: лишь бы они были разумными нравственными существами. Добрая мать, хотя и съ рыданіями, посылаетъ взрослаго сына на трудный подвигъ, гдѣ его, можетъ-быть, встрѣтитъ смерть. Такъ дѣйствовали еще героини древнихъ языческихъ народовъ, и мы не скажемъ, что онѣ были не правы. Сами строго исполняя свой нравственный долгъ, онѣ учили тому же и дѣтей. Очевидно, что не цѣль счастія дѣтей составляетъ нравственную сторону практики любви въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ.

А къ чему стремится наша любовь и жалость къ ближнимъ вообще?

Конечно, не ради счастія этихъ ближнихъ мы вынимаемъ ихъ изъ петли, спасаемъ отъ самоотравленія, извлекаемъ ихъ изъ огня и воды, поддерживаемъ многіе годы существованіе тяжело-больныхъ и тяжко страдающихъ,—увѣчныхъ, идіотовъ, сумасшедшихъ. Въ однихъ случаяхъ мы прямо знаемъ, что люди несчастны и счастливыми уже быть не могутъ, въ другихъ—ничего не знаемъ о томъ, будутъ или не будутъ счастливы спасенные нами. Не ради цѣли счастія, а ради искупленія тяжелой вины и ради нравственнаго возрожденія, мы спасаемъ падшихъ и караемъ преступниковъ,— не ради счастія, а ради умственнаго и нравственнаго совершенства воспитываются и обучаются нами въ школахъ молодыя поколѣнія, — не ради счастія, а ради правды и справедливости мы съ любовью къ людямъ работаемъ надъ усовершенствованіемъ законовъ и общественнаго склада, надъ улучшеніемъ экономическаго положенія народа и надъ его духовномъ просвѣщеніемъ. Если всѣми этими поступками попутно и достигается счастіе тѣхъ существъ, которыхъ мы любимъ и жалѣемъ, то не какъ цѣль сама въ себѣ, а какъ возможный, но случайный, т. е. не зависящій отъ насъ, результатъ.

Какой же *общій положительный признакъ* и *внутренній смыслъ* можно найти въ *нравственныхъ* поступкахъ, внушаемыхъ любовью и состраданіемъ, если они не направлены къ счастію другихъ существъ? Во всѣхъ нихъ мы замѣчаемъ одну несомнѣнную черту: они непосредственно и прежде всего клонятся къ сохраненію и спасенію *жизни* другихъ существъ, независимо отъ вопроса о ихъ счастіи, причемъ нравственный поступокъ, по общему убѣжденію, становится тѣмъ болѣе нравственнымъ, чѣмъ болѣе—ради спасенія и сохраненія чужой жизни — ставится на карту собственная жизнь любящаго и жалѣющаго. Мать и отецъ постоянно рискуютъ своей жизнію и здоровьемъ ради жизни дѣтей своихъ, врачъ и сидѣлка часто рискуютъ своей жиз-

нію ради жизни больныхъ,—самоотверженные люди, спасающіе ближнихъ своихъ отъ всяческой смерти на сушѣ и на водѣ, охотно жертвуютъ своею жизнью ради жизни этихъ ближнихъ. Но и тамъ, гдѣ нѣтъ риска потерять свою жизнь, мы видимъ то же самое стремленіе къ спасенію жизни другихъ существъ—подвигами милосердія и жертвами благотворенія, при чемъ и въ этихъ случаяхъ сострадающій и любящій часто добровольно идетъ на нѣкоторое умаленіе своей жизни, на разныя лишенія—ради сохраненія жизни другихъ людей.

Можно вообще сказать, что во всѣхъ такъ называемыхъ, альтруистическихъ поступкахъ и подвигахъ замѣчается одна эмпирическая цѣль — сохранить, умножить, увеличить жизнь *внѣ и вокругъ себя*, а въ любви половой и материнской проявляется инстинктъ созданія и поддержанія жизни возможно большей и многой, хотя бы въ ущербъ и съ умаленіемъ индивидуальной жизни родителей. Въ этомъ смыслѣ *родоваго инстинкта*, и у людей, и у животныхъ. Конечно, во всѣхъ дѣйствіяхъ, внушаемыхъ родовымъ инстинктомъ, а также непосредственной, не разсуждающею любовью и жалостью, цѣль эта преслѣдуется непроизвольно и безсознательно, и природа, вложившая въ живыя существа эти чувства и стремленія, повидимому, приводитъ иногда людей къ ошибкамъ и недоразумѣніямъ въ выполненіи указанной задачи. Иногда можно спросить себя: хорошо ли, что ради спасенія жизни невѣдомаго и незначительнаго больного погибъ отъ заразы знаменитый врачъ? хорошо ли, что ради спасенія одного больного и хилаго ребенка погибла любящая мать большого семейства? Но и самые эти вопросы основаны на тайномъ соображеніи, что—не погибни въ этихъ условіяхъ врачъ или иной человѣкъ,—они могли бы спасти и поддержать еще много другихъ, болѣе важныхъ и производительныхъ, жизней. Съ нравственной же точки зрѣнія, смерть врача и матери въ указанныхъ условіяхъ особенно восхваляются. Отчего?—Очевидно, все дѣло въ томъ, что непосредственная задача каждой личности *создать или поддер-*

жать, сохранить или спасти возможно больше другихъ жизней, хотя-бы съ пожертвованіемъ своей собственной единичной жизни.

Какая же *сила*, какой *стимулъ* при этомъ дѣйствуетъ въ человѣкѣ? Шопенгауэръ сводилъ основной мотивъ всей дѣятельности человѣка къ индивидуальной волѣ къ жизни; біологи называютъ ее *инстинктомъ самосохраненія*. Несомнѣнно, однако, что во всѣхъ указанныхъ усиліяхъ—произвести, сохранить или спасти жизнь внѣ себя, въ ущербъ своей—дѣйствуетъ не индивидуальная воля къ жизни, не инстинктъ самосохраненія.

Назвать эту силу „родовымъ инстинктомъ“ значитъ *приблизиться* къ истинѣ, но не обнять ее вполнѣ. Эта сила, какъ мы видѣли, проявляется не только въ родовомъ инстинктѣ—любви къ потомству, но и въ любви и состраданіи къ ближнимъ, къ существамъ чуждымъ, постороннимъ, даже иногда враждебнымъ, антипатичнымъ и неизвѣстнымъ, и даже не только къ людямъ, но и къ животнымъ и растеніямъ. *Любить, жалѣть, холить, сохранять и спасать отъ смерти все живое*—вотъ *общая формула*.

Какая же *психическая* сила лежитъ въ основѣ этой *міровой любви*? какъ назвать ее? Очевидно, въ каждомъ индивидуальномъ живомъ существѣ есть, рядомъ съ индивидуальною волей къ жизни, общая мировая воля къ жизни—„всеобщая душа“, какъ говорили древніе. Какъ бы мы ее ни назвали—міровой волей, сверхъ-индивидуальной душой или *духомъ*, инстинктомъ самосохраненія міра, или творческимъ началомъ, созидающимъ жизнь,—все равно. Эта сила въ насъ есть, это—*реальная сила*, подлинный дѣятель и факторъ нашего нравственнаго поведенія. Условимся пока называть ее „міровой волей къ жизни“ и разсмотримъ теперь ея главные признаки и проявленія.

Одна основная черта этой силы, этого дѣятеля, какъ мы видѣли, есть наклонность ея къ творчеству, къ творческому созиданію и поддержанію жизни внѣ индивидуума. *Другая* существенная черта—это ея враждебность индивидуальной волѣ къ жизни, эгоизму, самосохраненію. Но

можно ли допустить въ человѣкѣ *двѣ воли,* двѣ силы жизни? Конечно, нѣтъ. Очевидно, одна должна составлять часть и проявленіе другой, но не большая меньшей, а меньшая большей. Несомнѣнно, что индивидуальная воля къ жизни есть только частное проявленіе и частная форма „міровой воли къ жизни", созидающей и поддерживающей множество жизней *чрезъ индивидуума, въ немъ и внѣ его.* Инстинктъ самосохраненія индивидуума есть частный случай „инстинкта самосохраненія міра", въ насъ заложеннаго; *эгоизмъ* есть *низшая форма альтруизма,*—это альтруизмъ или солидарность собранныхъ и скрѣпленныхъ въ нашемъ организмѣ „живыхъ клѣточекъ и ихъ организованныхъ ассоціацій (органовъ)",—*любовь къ себѣ* есть частная форма *любви къ живому вообще.*

Отчего же наша „міровая воля къ жизни", какъ источникъ нравственной дѣятельности, враждебна нашему эгоизму, нашей индивидуальной волѣ къ жизни, когда послѣдняя—частное проявленіе первой? Разсматривая этотъ вопросъ, мы открываемъ *новый* положительный признакъ „міровой воли къ жизни", намъ присущей и въ насъ дѣйствующей. Она стремится не только къ творчеству и созиданію жизни, но къ „безконечному творчеству"—къ *безконечной полнотѣ* и *совершенству* своихъ жизненныхъ воплощеній, и потому враждебна всякой ограниченности, всякому окончательному своему закрѣпленію и закрѣпощенію. Индивидуальность наша есть именно такая закрѣпощенная и закрѣпленная наслѣдственностью и привычками, и ограниченная организаціей, міровая воля къ жизни, и потому наша общая творческая сила, насколько она въ насъ сохранилась и проявляется, безусловно враждебна эгоизму, какъ способу обереганія этой самой „ограниченной индивидуальности". „Воля міровая" въ человѣкѣ *нравственномъ* сильнѣе „воли индивидуальной", какъ частнаго своего выраженія, и потому вѣчно борется съ ней и съ ея проявленіями—чувствомъ самосохраненія и эгоизмомъ.

Вѣрность этого положенія станетъ еще яснѣе, если мы разсмотримъ теперь тѣ формы нравственной дѣятельности,

которыя вытекаютъ не изъ любви и жалости къ другимъ существамъ, а изъ *иныхъ* мотивовъ. Отсюда откроются намъ и *новые положительные* признаки міровой воли къ жизни, которые точнѣе опредѣлятъ и отчасти ограничатъ понятіе объ этой, присущей намъ силѣ.

Не только въ прямомъ созданіи, сохраненіи и спасеніи конкретныхъ жизней отдѣльныхъ существъ подъ вліяніемъ любви и состраданія, признаемъ мы проявленіе нравственной дѣятельности человѣка, но и во всякомъ творчествѣ и созиданіи *идейномъ, духовномъ,* связанномъ съ затратою силъ личности и съ пожертвованіемъ индивидуальными благами, здоровьемъ и даже жизнью—ради усовершенствованія жизни міровой.

Во всякомъ самоотверженномъ служеніи идеямъ—*наукѣ, искусству, философіи, религіи,*—независимо отъ любви къ конкретнымъ существамъ,—мы видимъ подвигъ *нравственный.* И совершенно очевидно, что въ дѣйствіяхъ этого рода, насколько они нравственны, можно не только замѣтить склонность къ пожертвованію жизнью индивидуальной, но и стремленіе по возможности упрочить и расширить, умножить и даже создать новую жизнь внѣ индивидуума. Ученый стремится развитіемъ пониманія жизни міра и, въ частности, человѣческой, предохранить всякую жизнь и особенно человѣческихъ существъ отъ случайностей непроизводительнаго разрушенія, а также создать условія для болѣе разнообразныхъ, интенсивныхъ и высокихъ ея проявленій. Художникъ творитъ и воплощаетъ жизнь въ жизненныхъ типахъ, которые онъ создаетъ и которые своей притягательной силой будутъ въ свою очередь плодить, развивать и обогащать содержаніемъ жизнь слѣдующихъ поколѣній. Философъ истолкованіемъ смысла мірового процесса и жизни стремится помочь разумному направленію *человѣческихъ* творческихъ силъ. Истинный религіозный и общественный проповѣдникъ, поддерживая въ людяхъ любовь, состраданіе, чувство нравственаго достоинства, и укрѣпляя ихъ въ борьбѣ со страхомъ, малодушіемъ и отчаяніемъ, тоже тво-

ритъ и спасаетъ жизнь *внѣ себя*, широко развивая самыя коренныя ея начала.

Счастія конкретныхъ существъ, т. е. отдѣльныхъ людей, никто при этомъ не имѣетъ въ виду, ибо всѣ эти *дѣятели творческой воли*, когда творятъ, не знаютъ, *кому и когда* пригодятся ихъ дѣла и дадутъ ли они людямъ счастіе, или нѣтъ. Не думали служить счастію человѣческому ни Шекспиръ, ни Гете, ни Пушкинъ,—ни Джордано Бруно, Декартъ или Кантъ,—ни Коперникъ, Ньютонъ и Дарвинъ,—ни Апостолъ Іоаннъ, ни Будда и Лютеръ. Одни служили красотѣ, другіе искали правды, истины, блага. Возможныя практическія послѣдствія высокихъ подвиговъ, во имя идеала, обыкновенно лежатъ внѣ сферы кругозора творческихъ геніевъ и нравственныхъ проповѣдниковъ.

Но если міровая творческая воля, направленная къ созиданію и упроченію жизни, проявляется и во всякомъ *безкорыстномъ, духовно-идейномъ созиданіи*, то именно въ немъ мы замѣчаемъ ясно признакъ, который не открывается непосредственно въ дѣлахъ любви и состраданія, въ твореніи и спасеніи жизни отдѣльныхъ существъ. Въ идейномъ творчествѣ тоже замѣчается стремленіе къ *безконечной полнотѣ* и *совершенству* воплощеній творческой воли къ жизни,—отчего художникъ, ученый, философъ творитъ до конца, пока есть силы, *вѣчно недовольный прежде созданнымъ*,—но вопросъ идетъ по большей части о созиданіи и поддержаніи жизни *высшей на счетъ низшей*, жизни *духовной* на *счетъ матеріальной*. Къ этому направляется не только творчество религіозное и художественное, но и философское и научное. Религія прямо ставитъ задачею — спасти душу, духовную жизнь человѣка; искусство, воплощая красоту, ведетъ къ подъему въ человѣкѣ лучшихъ его чувствъ и стремленій; философія ищетъ идеала мудрости и внутренней гармоніи личности; наука проповѣдуетъ эволюцію и, жертвуя животнымъ ради человѣка, ищетъ разъясненія и способовъ укрѣпленія въ послѣднемъ его высшихъ, *человѣческихъ* свойствъ.

Намеки на то, что міровая воля въ насъ, воля нравствен-

ная, стремится къ сохраненію и созиданію не всякой жизни безъ разбора, а преимущественно *высшей, духовной*, можно уже было замѣтить при анализѣ проявленій любви и состраданія. Мы показали, что добрая мать стремится сдѣлать своихъ дѣтей прежде всего „хорошими“, нравственными, что врачъ, поддерживая жизнь неизлѣчимо больныхъ и спасая самоубійцъ—не ради ихъ счастія, а для самой жизни, часто невольно содѣйствуетъ искупленію ими вины, грѣха—страданіями. Во всѣхъ ближнихъ мы, главнымъ образомъ, любимъ и оберегаемъ ихъ духовную личность, ихъ психическую жизнь. Даже въ животныхъ мы любимъ не ихъ тѣло, а ихъ психическую физіономію и ихъ нравственное отношеніе къ человѣку и другъ къ другу *). Въ растеніяхъ мы любимъ ихъ красоту, художественную гармонію ихъ формъ и ароматовъ. Любовь къ природѣ имѣетъ тоже эстетическій и нравственный характеръ.

Отсюда выясняется новый положительный признакъ той „міровой творческой воли“, которая въ насъ живетъ и влечетъ насъ къ созиданію міровой жизни въ ущербъ нашей собственной. Это не просто „творческая воля къ жизни“, къ механическому ея умноженію и сохраненію, а „неудержимое стремленіе къ созиданію, развитію и увѣковѣченію жизни духовной, высшей психической жизни въ мірѣ“,—это, другими словами, стремленіе къ *одухотворенію міра, къ духовному его совершенствованію*.

И для того, чтобы въ этомъ окончательно убѣдиться, мы коснемся третьй и послѣдней области поступковъ, признаваемыхъ несомнѣнно нравственными,—тѣхъ дѣйствій, которыя касаются такъ называемой *личной нравственности* и вну-

*) Поэтому мы не считаемъ зломъ истребленіе животныхъ-хищниковъ и паразитовъ, вредящихъ жизни человѣка и другихъ животныхъ, и потому также намъ такъ трудно признать грѣхомъ употребленіе человѣкомъ въ пищу мяса нѣкоторыхъ животныхъ, психическая жизнь которыхъ намъ чужда и не представляетъ объективно никакого интереса по безнадежно-низкому уровню своего развитія. Но зато человѣкъ, болѣе чуткій къ душевной жизни всѣхъ живыхъ существъ, невольно жалѣетъ и этихъ животныхъ,— и становится вегетаріанцемъ изъ побужденій нравственныхъ.

шаются намъ чувствами стыда, чести и нравственнаго достоинства.

Къ чему направлены нравственныя предписанія: не предаваться плотскимъ излишествамъ, не лгать и не обманывать, не трусить и не малодушничать, не дѣлать низостей и подлостей, не отчаяваться и не лишать себя жизни?

Всѣ эти задачи имѣютъ нравственный смыслъ лишь настолько, насколько направлены къ обереганію, спасенію и развитію въ насъ самихъ нашего „лучшаго, духовнаго *я*“—той самой творческой силы, созидающей и улучшающей жизнь въ мірѣ, которая лежитъ и въ основаніи всей нашей общественно-нравственной работы. Ради этого начала своей высшей духовной дѣятельности мы готовы часто пожертвовать и своей животною индивидуальностью, или умалить и ограничить ея проявленія И напрасно современные позитивисты смѣются надъ всяческимъ *аскетизмомъ*: *здоровый* аскетизмъ есть именно путь къ широкому развитію творческихъ силъ человѣка,—онъ освобождаетъ духовныя силы наши отъ гнета и цѣпей матеріальной жизни*). Аскетизмъ, конечно, есть не цѣль, а только *средство*, но это—низшая ступень того же самоотреченія и индивидуальнаго самопожертвованія, которыя заставляютъ нѣкоторыхъ людей *ради идеи* отказываться отъ удовольствій, выгодъ, подвергаться осмѣянію, поруганію, даже насилію,—идти въ темницы и на костры. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы спасаемъ „свое лучшее духовное *я*“ и умаляемъ или совершенно отдаемъ въ жертву свою индивидуальную волю къ жизни, свой эгоизмъ. И если насъ глубоко отталкиваетъ нравственно не только *убійство*—уничтоженіе чужихъ духовныхъ жизней, но и *самоубійство*, то потому, что это не просто пожертвованіе своимъ индивидуальнымъ „я“, а разрушеніе въ себѣ творческаго духовнаго начала, *мірового духа*. Это—„насиліе надъ міромъ“: мы лишаемъ міръ, черезъ себя, той оформленной и вѣками

*) Ср. статью Вл С. Соловьева: Аскетическое начало въ нравственности. «Вопр. Фил. и Псих.» 1895 (январь—книга 26-я).

вырабатывавшей свое орудіе—организмъ—творческой силы, которая можетъ спасти множество другихъ жизней и вдохнуть въ нихъ высшій смыслъ. И притомъ, самоубійца дѣлаетъ это *безъ всякаго возмѣщенія*; напротивъ, онъ угнетаетъ душевную жизнь прочихъ людей и тянетъ ихъ съ собою въ бездну безплоднаго уничтоженія. Отдавать свою жизнь въ жертву возможной духовной жизни другихъ существъ мы въ правѣ и даже нравственно обязаны, но истреблять малѣйшее проявленіе человѣческой жизни внѣ себя—путемъ убійства, или же, путемъ самоубійства, возможность таковой въ себѣ—величайшій эгоизмъ и, потому, тяжкое преступленіе.

Изъ всего изложеннаго выяснилось, что *психологически* главнымъ устоемъ нравственной жизни и дѣятельности является въ насъ *міровая воля къ жизни духовной*, міровой инстинктъ самосохраненія жизни духовной, психической, высшей. Главные четыре положительныхъ признака этой міровой воли, которая внушаетъ личности человѣка ея *нравственное* поведеніе, какъ мы видѣли, слѣдующіе: 1) это—сила, *созидающая*, *оберегающая и спасающая жизнь внѣ индивидуума*—въ мірѣ, 2) это—сила, *враждебная индивидуальной волѣ къ жизни*—эгоизму и животному инстинкту самосохраненія, 3) это—сила, стремящаяся *къ безконечной полнотѣ и совершенству* своихъ воплощеній, *реальныхъ* и *идеальныхъ*, 4) это—сила, направленная преимущественно къ *созиданію и совершенствованію духовной*, *идеальной жизни міра*. Поэтому ее можно опредѣлить какъ „*міровой* инстинктъ или волю духовнаго самосохраненія и саморазвитія“, заложенный въ природу всѣхъ его живыхъ существъ, но достигающій полноты самосознанія только *въ человѣкѣ* и проявляющійся въ его *нравственной* жизни и дѣятельности.

Сообразно природѣ указанной силы, *сознательнымъ идеаломъ* нравственнаго поведенія должно быть „достиженіе міромъ нравственныхъ существъ — людей—возможно полнаго, всесторонняго и высокаго духовнаго развитія и творчества“, а *сознательнымъ критеріемъ* нравственной дѣятельности бу-

дутъ „чистота, безкорыстіе и самоотверженность работы человѣка для цѣли безконечнаго духовнаго совершенствованія міра". Таково *содержаніе* идеи безусловнаго нравственнаго долга.

Не дѣло этики опредѣлять *метафизическую* природу установленнаго выше начала нравственнаго поведенія—міровой воли къ жизни духовной. Для нея достаточно констатировать наличность упомянутаго *реальнаго* источника нравственной дѣятельности, а также указать и изслѣдовать его проявленія въ сферѣ чувства и мысли.

Въ первой области—чувства—духовно-творческое начало обнаруживается чувствованіями любви, состраданія, жалости по отношенію къ другимъ живымъ существамъ,—чувствами стыда, нравственнаго достоинства, чести—по отношенію къ собственной личности,—чувствами любви къ правдѣ, истинѣ, красотѣ, добру или духовному совершенству вообще—по отношенію къ міру, какъ цѣлому, а на высшей ступени—любовію къ Богу, какъ высшему источнику или идеальному символу *абсолютной* правды, красоты и совершенства. Сюда относится и непосредственная любовь къ Богу человѣка религіозно-вѣрующаго, и „amor intellectualis Dei" философовъ (напр., Спинозы).

Во второй области—мысли—то же начало проявляется въ *идеяхъ* самоотреченія, самопожертвованія и безусловного нравственнаго долга—долга создавать, оберегать, поддерживать, умножать и возвышать *духовную жизнь міра* въ ущербъ своей *личной* жизни.

Таковы главнѣйшіе устои нравственной жизни человѣка, находящіеся внутри *его* и сводящіеся къ одному общему принципу—„міровой воли къ жизни высшей, духовной, которая есть и міровая любовь и міровое сознаніе безусловнаго нравственнаго долга". Очевидно, *личность* человѣка не есть только его животно-психическая *индивидуальность*, а сочетаніе этой послѣдней съ *міровымъ духовнымъ началомъ*, съ божественною творческою силою, создавшею міръ, и въ этой послѣдней находятся корни всей нашей нравственной жизни.

Насъ могутъ спросить теперь: какова же конечная цѣль всего процесса нравственной работы міровой воли въ отдѣльныхъ существахъ? Можетъ быть, все-таки,—„безусловное и вѣчное духовное блаженство одухотворенной вселенной“? „Можетъ быть“, скажемъ мы въ заключеніе, но, при ограниченности человѣческаго разума, этика, по крайней мѣрѣ теперь, не способна рѣшить этого вопроса строго научно. Во 1) мы еще не въ состояніи обнять мірового процесса въ его цѣломъ; во 2) мы не въ состояніи представить себѣ абсолютнаго и вѣчнаго блаженства вполнѣ солидарнаго и духовно-просвѣтленнаго міра существъ, и понять разумомъ свою возможную роль въ этомъ будущемъ блаженствѣ; въ 3) предполагаемая конечная цѣль мірового процесса не можетъ быть реальною пружиною нравственной дѣятельности человѣка, такъ какъ, съ одной стороны, своей отдаленностью не можетъ вдохновить личность къ дѣйствію, а съ другой, какъ мы видѣли, малѣйшая попытка поставить эту цѣль въ формахъ конкретныхъ лишаетъ нашу дѣятельность ея *нравственнаго* характера. Стремиться къ счастію неизвѣстнаго будущаго міра и неизвѣстныхъ будущихъ существъ *безсмысленно*, а стремиться къ счастію своему и другихъ близкихъ существъ, хотя и вполнѣ естественно, но не входитъ въ задачу *нравственной* дѣятельности, въ отличіе отъ *безразличной* и въ противуположность *безнравственной*.

Очевидно, вопросъ о *конечныхъ* цѣляхъ нравственной дѣятельности человѣка, совпадая съ вопросомъ о конечныхъ цѣляхъ мірового процесса, можетъ быть разрѣшаемъ только гадательно. То или другое рѣшеніе можетъ быть лишь предметомъ *вѣры* или плодомъ *поэтической мечты*, а не результатомъ строгаго научнаго и философскаго анализа.

Но нуждаемся ли мы въ немедленномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ?

Не достаточно ли намъ будетъ, если „научная этика“ подтвердитъ и окончательно докажетъ тотъ фактъ, что психическими устоями нравственной жизни и дѣятельности являются *не стремленія къ счастію личному, чужому или общему*, а

именно тѣ *творческія стремленія духа къ созиданію и развитію высшей психической жизни въ мірѣ, внѣ насъ,* которыя проявляются уже въ безкорыстной любви къ живымъ существамъ,—далѣе, въ безусловной преданности идеаламъ правды, красоты, добра, чести,—и которыя воплощаются, въ концѣ концовъ, въ идеяхъ нравственнаго долга и самопожертвованія?

Неумолимая дилемма: „долгъ или счастіе?"—разрѣшается, очевидно, *въ пользу долга.* А захотимъ ли мы пойти по нравственному пути долга, или нѣтъ,—это зависитъ отъ нашей свободной воли, которая именно потому и свободна отъ нашей организаціи, что она есть *воля міровая,* а не индивидуальная, что *личность* есть не только органическая индивидуальность, но и „сверхъ-индивидуальное, божественное, *творческое начало*". Вопросъ только въ томъ: захотимъ ли мы быть *нравственными*, т.-е. свободно повиноваться внутреннему голосу мірового сознанія, или не захотимъ. Если захотимъ, то откажемся отъ цѣли *счастія,* своего и чужого, и отдадимся по мѣрѣ силъ долгу служенія лучшимъ своимъ чувствамъ, стремленіямъ и идеямъ, жертвуя ближнему своему и міру всѣ свои индивидуальныя силы, а если нужно—и жизнь. Если не захотимъ, то, можетъ быть, насъ рано или поздно осудитъ тотъ самый міръ, отъ котораго мы отдѣлились, испивая чашу личныхъ наслажденій. *Что пріятнѣе* объ этомъ могутъ быть споры; но *что лучше*, объ этомъ очевидно спорить неумѣстно. Можно выразить только желаніе, чтобы въ наше тяжкое и грустное въ нравственномъ отношеніи время, побольше людей находило въ себѣ задатки высшей міровой воли и нравственнаго призванія, и шло по пути долга и самопожертвованія, отбросивъ всякіе помыслы о личномъ счастіи и объ удовлетвореніи своего ненасытнаго „я"

Н. Гротъ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

А Козловъ· «Философскіе этюды». Критич. очеркъ. Кіевъ. 1877 (30 стр.).
Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа. Кіевъ. 1878 (68 стр.).
Essai sur les principes d'une nouvelle classification des sentiments. Paris. 1878 (38 p) (Rev. Philos.).
Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ. С.-Пб. 1880 (XIV+569 стр.).
Философія, какъ вѣтвь искусства. С.-Пб. 1880. 4 стр (Мысль)
По поводу вопроса о психологіи чувствованій. С.-Пб. 1880. 29 стр. (В. Евр.).
Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій. Кіевъ (38 стр.) 1881.
Къ вопросу о реформѣ логики Лейпц. 1882. (XXVI+349).
Отношеніе философіи къ наукѣ и искусству. Кіевъ 1883 (27 стр.) (Заря).
Къ вопросу о критеріяхъ истины. С.-Пб. 1883. 26 стр. (Р. Бог.) и Изъ міра науки· Загадки знанія Кіевъ. 1883 (Заря).
Опытъ новаго опредѣленія понятія прогрессъ. Одесса 1883 (21 стр.)
Прогрессъ и наука. Од 1884. 16 стр. (Од. Л.).
Отвѣтъ «Обыкновенному читателю». Дѣло. 1884 (11 стр.).
Къ вопросу о свободѣ воли. Од. 1884. 21 стр. (Од. Л.).
Еще къ вопросу о свободѣ воли. С.-Пб. 1884. 23 стр. (Р. Бог.).
О субъективизмѣ въ соціологіи (6 стр.) и Еще нѣсколько соображеній о задачахъ соціологіи. Од. 1884. 6 стр. (Од. В.).
О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, какъ міровоззрѣній. Од. 1884 28 стр. (Зап. Новорос. унив.).
Основные типы философскихъ построеній въ разныя эпохи. С.-Пб. 1884. 40 стр. (Р. Бог.).
Эгоизмъ и альтруизмъ предъ судомъ здраваго смысла и науки. С.-Пб. 1884. 25 стр. (Новь).
Къ вопросу о классификаціи наукъ. С.-Пб. 1884 70 стр. (Р. Бог).
Психологія. Лекціи (Литографія). Одесса. 1884 (248 стр.).
Введеніе въ курсъ исторіи философіи. Одесса. 1884. Литогр. (199 стр.).
Джіордано Бруно и пантеизмъ. Одесса. 1884. 86 стр. (Зап. Нов. унив.).
Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Дж Бруно. Од. 1885 (18 стр.).
О нравственной отвѣтственности и юридической вмѣняемости. Одесса. 1885 47 стр. (Зап. Юридич. Общ.)
О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Одесса. 1886 (92 стр.).
Къ вопросу объ истинныхъ задачахъ философіи. Москва. 1886 (41 стр.) (Русск. Мысль).

О направленіи и задачахъ моей философіи. Отвѣтъ архіепископу Никанору. Москва. 1886 г. 18 стр. (Прав. Обозр.).

Извлеченіе изъ сообщенія о свободѣ воли. Общія положенія. М. 1887 (4 стр.).

О значеніи философіи Шопенгауера. Москва. 1888. 39 стр. (Труды Моск. Псих. Общ.).

По поводу вопроса о задачахъ искусства. Тезисы (8 стр.). Москва. 1888

Философія Платона. Лекціи (литографія). Москва. 1888 (260 стр.)

» » 2-е изданіе. Москва. 1889.

Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. Москва. 1889. (42 стр.).

Дополненіе къ рефер. «Значеніе чувства» и проч. Москва. 1889 (12 стр.).

Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М. 1889. 106 стр. (Труды Моск. Псих. Общ.).

Психологическій съѣздъ въ Парижѣ. Тамъ же (22 стр.).

О задачахъ журнала. «Вопр Фил. и Психол.» I. 1889 (20 стр.).

La causalité et la conservation de l'énergie en psychologie. Paris (Compte rendu de la Soc. de Psych physiol.) 1890 (17 стр.).

Что такое метафизика? Тамъ же. II. 1890 (32 стр.).

Жизненныя задачи психологіи. Тамъ же. III. 1890 (52 стр.).

Общія основанія психологіи. Лекціи (литографія). Москва. 1890 — 91 (122 стр.).

Еще о задачахъ журнала «Вопр. Филос. и Психол.» VI. 1891 (6 стр.).

Основные вопросы философіи XVII и XVIII в. Десять публичныхъ лекцій (литографія). М. 1891 (165 стр.).

Введеніе въ исторію новой философіи. «Вопр. Филос. и Психол.» VII. 1891 (25 стр.).

Основные моменты въ развитіи новой философіи. Тамъ же. VIII—X и XIII. 1891—82 (69 стр.).

Annales des sciences psychiques. Тамъ же. VIII. 1891 (4 стр.).

Л. Лопатинъ. Положительныя задачи философіи, ч. II. Тамъ же. X. 1891 (9 стр.).

Изъ поѣздки по неурожайнымъ уѣздамъ. Одесскій Сборникъ. 1892.

Основаніе нравственнаго долга. I—IV (Вопр. Филос. и Псих.) XII и XV. 1892 (61 стр.).

Нравственные идеалы нашего времени. Фр. Ницше и Левъ Толстой. Тамъ же. XVI. 1893 (26 стр.) Брош. 3-е изданіе. 1894.

Къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи. Тамъ же. XXI. 1894 (18 стр.).

О времени. I—XII. Тамъ же. XXIII—XV, 1894 (115 стр.).

Цѣна **30** коп., съ перес. **40** коп.